

УДК 81.00

ББК Ш141.01.2973

Д181

В. П. Даниленко

Иркутск, Россия

**БИПОЛЯРНЫЙ ОБРАЗ МЫШЛЕНИЯ
В «КУРОРТНИКЕ» ГЕРМАНА ГЕССЕ**

Статья посвящена гносеологическому анализу лучшей автобиографической повести Г. Гессе. Одним из её центральных «героев» выступает биполярный образ мышления. Он был весьма характерен для её автора.

Ключевые слова: Г. Гессе, «Курортник», биполярный образ мышления, борьба противоположностей, тезис, антитезис, синтезис.

V. P. Danilenko

Irkutsk, Russia

**BIPOLAR MINDSET IN
HERMAN HESSE'S «HEALTH-RESORT VISITOR»**

This article is dedicated to the gnoseological analysis of the best H. Hesse's autobiography. One of the central "protagonists" is a bipolar mindset. It was typical of the author.

Key words: H. Hesse, «Health-resort visitor», the fight between contradictions, thesis, antithesis, synthesis.

Нам, курортникам в Бадене, сдаётся мне, особенно необходимо представление об антиномиях, и чем неподвижнее становятся у нас суставы, тем настоятельнее требуется нам эластичный, двусторонний, биполярный образ мышления.

Герман Гессе

Наша жизнь переполнена противоречиями – между верующими и неверующими, образованными и невеждами, добрыми и злыми, богатыми и бедными и т. д., и т. д. Противоречия – источник движения. Но они могут стать и источником страданий – в особенности для тех, кого судьба наградила биполярным образом мышления.

Носитель биполярного мышления пытается вырваться из логики *или-или*, но ему это плохо удаётся. Вот почему он – мученик белого света. Таким мучеником изобразил своего подпольного человека Ф. М. Достоевский. Противоположные элементы измучили его вконец: «Я чувствовал, что они так и кишат во мне, эти противоположные элементы. Я знал, что они всю жизнь во мне кишели и из меня вон наружу просились, но я их не пускал, не пускал, нарочно не пускал наружу...» [Достоевский, 1985, с. 5].

Главный герой «Степного волка» Германа Гессе (1877–1977) Гарри Галлер не такой экспансивный, как подпольный человек у Ф. М. Достоевского, но противоположности мучили его не меньше, чем подпольного человека. Эти противоположности сосредоточились в нём вокруг двух начал – человеческого и волчьего (животного).

В Гарри Галлере Герман Гессе в значительной мере изобразил самого себя. Во всяком случае, как и в его герое, в нём боролись противоположные элементы. Более того, он без конца их обдумывал, жил ими, а иногда даже и смаковал. Таким был его образ мышления. Он был биполярным. Биполярным – значит противоречивым.

Биполярный образ мышления стал для Г. Гессе опорой его художественного метода. Если он думал и писал о тезисе, то следом за ним всплывал его антитезис. При этом в первую очередь его заботили острота и неумолимость их фор-

мулировок. «Давно известно, – читаем мы в его романе «Игра в бисер», – чем острее и неумолимее сформулирован тезис, тем настойчивее требует он антитезиса» [Гессе, 1991, с. 78]. Он пытался привести их к синтезису, но синтезис от него, как правило, быстро ускользал и превращался в новый тезис, настойчиво требующий нового антитезиса.

Г. Гессе настолько свыкся со своим биполярным (тезисно-антитезисным) образом мышления, что однажды он приснился ему во сне. Он описал его в «Листках из дневника». Это был удивительный сон – гносеологический.

Биполярность предстала перед Г. Гессе как концерт, в котором первоначально участвовало лишь два голоса, но затем каждый голос раздваивался на подголоски, которые, в свою очередь, тоже раздваивались и т. д. Он пишет: «Невозможно передать, как разыгрывался концерт двух голосов. Собственно, каждый из двух первоначальных голосов раздваивался, и каждый новый подголосок раздваивался вновь...» [Целлер, 1998, с. 306].

Такому сну мог бы позавидовать любой философ! Во всяком случае, Гермину Гессе мог бы позавидовать Иммануил Кант – автор учения об антиномиях, если бы он был жив. Заинтересовался бы этим сном и Георг Гегель, поскольку двухголосие у Г. Гессе выглядит как тезис и антитезис, которые переходят в какой-то мере в синтезис, перенимающий от них нечто общее. Вот как это пояснял сам Г. Гессе: «... в каждом новом голосе сохранялось нечто от обоих голосов, сохранялись вибрации хаоса и вибрации формообразующей воли, вибрации дня и ночи, Мужского и Женского начал – в новом неповторимом единстве» [Там же].

Смею, однако, предположить, что Г. Гегель не до конца был бы удовлетворён сном Г. Гессе. Синтезис в этом сне вовсе не выглядит как диалектическое разрешение противоречия между тезисом и антитезисом. Синтезис в этом сне быстро превращается в новый тезис, «тоскующий» по своему противоположному принципу: «...каждый (подголосок. – *В. Д.*) был синтезом, каждый возникал из тоски по противоположному принципу» [Там же].

Тезис и антитезис в мышлении Г. Гессе в конечном счёте подавляют синтезис. Вот почему ему в большей мере был свойствен биполярный стиль мышления, чем диалектический. Вот почему он так любил категории *ян* и *инь*. Он считал их символами биполярности. Эти категории вошли в китайскую философию, прежде всего, благодаря Лао-Цзы – основателю даосизма.

27 ноября 1922 г. Г. Гессе писал С. Цвейгу: «Сейчас Лао-цзы весьма моден в нашей доброй бедной Германии, но почти все считают его в сущности парадоксальным; между тем его мысль как раз не парадоксальна, а строго биполярна, двуполюсна, т. е. имеет одно измерение. Я часто пью из этого источника» (<http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3297065>).

О том, что автору этих слов был свойствен биполярный (двусторонний) образ мышления, он заявил в предисловии к своей лучшей автобиографической повести «Курортник». Она имеет подзаголовок: «Заметки о моём лечении в Бадене». Эти заметки появились за два года до романа «Степной волк», где биполярность мышления их автора заявляет о себе на описании его главного персонажа, тогда как в повести «Курортник» она заявляет о себе на описании самого автора.

В начале автобиографической повести Г. Гессе мы можем прочитать такие слова: «Как уже отмечалось мною в предисловии, характеру и мышлению пожилого ревматика и подагрика свойственны: осознание невозможности прямолинейного объяснения мира, появление вкуса и почтения к антиномиям, признание необходимости противоположностей и противоречий» [Гессе, 1977, с. 141].

Повесть «Курортник» была опубликована в 1925 г. Её автору не было ещё и пятидесяти. Так что не в возрасте и болезнях тут дело, а в том, что противоречивость была фундаментальной мировоззренческой чертой её автора. С одной стороны, его сознание было устроено так, что на противоречия он сплошь и рядом натывался в окружающей действительности, а с другой, в самом себе.

Противоречивость – вот крест, который Г. Гессе нёс всю жизнь. Она заявляет о себе в первую очередь в его взглядах на духовную культуру.

РЕЛИГИЯ

Герман Гессе родился 2 июля 1877 г. в немецком городе Калве в протестантской семье. Его отец Иоганнес и мать Мари мечтали о священнической карьере для их сына. Вот почему они отправили его в 1891 г. учиться в евангелически-теологическую семинарию, которая находилась в монастыре Маульбронн. В этом монастыре протестантский дух мирно уживался с античным.

Г. Гессе вспоминал: «В маульброннском монастыре, куда швабских мальчиков вот уже полтора столетия помещают в качестве стипендиатов, изучающих, дабы стать впоследствии протестантскими теологами, латынь, древнееврейский, классический и новозаветный греческий, комнаты, где занимаются эти мальчики, носят красивые названия; что ни класс, то «Форум», «Афины», «Спарта», а то и вовсе «Эллада»» [Гессе, 1991, с. 493]. Семинарист Г. Гессе оказался в «Элладе».

Учиться в семинарии юному Г. Гессе очень нравилось. Он писал своим родителям: «Я весел, доволен, удовлетворён. В семинарии царит настрой, который мне очень нравится. Прежде всего, это открытые отношения между воспитанниками и учителями, приятельская симпатия воспитанников друг к другу... Великолепный монастырь!» [Целлер, 1998, с. 34].

Эти слова были написаны 24 февраля 1892 г., а через две недели, 7 марта, он сбежал из монастыря. Его искали целые сутки. Он вернулся в сопровождении егеря во второй половине следующего дня. В чём дело? Почему он сбежал из «великолепного монастыря»? Тайна за семью печатями. Её толком не мог объяснить и сам Г. Гессе. Одно стало ясно: священника из него не выйдет. Через некоторое время в монастырь приехал отец и забрал его домой.

Спустя много лет, Г. Гессе обрисовал свой побег из монастыря в такой фразе: «Впрочем, означенный автор повести “Под колёсами” (сам Г. Гессе. – В. Д.) пробыл в монастыре и тем самым в «Элладе» совсем недолго, он сбежал и не-

сколько лет потом мыкался по свету, пока не выбился в люди и не стал свободным художником» [Там же. С. 493]. Причины побега остались без объяснений.

В бегстве из монастыря впервые в яркой форме заявила о себе противоречивость Г. Гессе: с одной стороны, ему в нём нравилось, а с другой, он попытался из него сбежать. Подобным образом будет обстоять дело и в дальнейшей его жизни. В юности он сбежит из родительского дома и будет заниматься книго-торговлей то в Тюбнгене, то в Базеле. В зрелые годы он сбежит от двух своих первых жён – Марии Бернулли, с которой он прожил с 1904 по 1923 гг., и кратковременной Рут Венгер – к третьей – Нинон Долбин, на которой он женился в 1931 г. и жил до самой смерти. Он сбежит из Германии в Швейцарию, став её гражданином в 1923 г. Но главным его убежищем стала литература. С её помощью он пытался убежать от обыденной действительности.

Об обыденной действительности он говорил очень красноречиво в своём «Кратком жизнеописании» (1925): «Я нахожу, что действительность есть то, о чём надо меньше всего хлопотать, ибо она и так не преминет присутствовать с присущей ей настырностью, между тем как вещи более прекрасные и более нужные требуют нашего внимания и попечения. Действительность есть то, чем ни при каких обстоятельствах не следует удовлетворяться, чего ни при каких обстоятельствах не следует обожествлять и почитать, ибо она являет собой случайное, то есть отброс жизни. Её, эту скудную, неизменно разочаровывающую и безрадостную действительность, нельзя изменить никаким иным способом, кроме как отрицая её и показывая ей, что мы сильнее, чем она» [Гессе, 1977, с. 38–39].

Убегал Г. Гессе от настырной действительности и в религию, но отношение к ней у него было противоречивым. Об этом свидетельствуют такие его слова: «Некоторые изречения из Нового Завета наряду с некоторыми изречениями из Дао-цзы, Будды, и – для меня самое истинное, весомое, самое живое, что было когда-либо постигнуто и сказано на земле. Однако строго благочестивое воспитание, смехотворность теологических раздоров, скука, наводящая зевоту, тоска церковной жизни и т. д. закрыли для меня христианский путь к богу. Поэтому я

искал другие пути к богу и скоро нашёл индийский, с детства близкий мне, поскольку мои дед, мать и отец были тесно и глубоко связаны с Индией, говорили на индийских языках и т. д. Позднее, благодаря Лао-цзы, мне открылся и китайский путь, что принесло мне чувство наибольшей свободы. Разумеется, наряду с этим я не менее интенсивно интересовался и современными поисками и попытками: Ницше, Толстым, Достоевским, – но наибольшие глубины открылись мне в Упанишадах, у Будды, Конфуция, Лао-цзы, а позднее, когда постепенно уменьшилась моя антипатия к специфически христианской форме истины, также в Новом Завете. Тем не менее я остался верен индийскому пути, и не потому, что считаю его лучше христианского, но потому, что мне была неприятна самоуверенность христианства, претензия на монопольное обладание истиной и богом, которая начинается с Павла и проходит через всю христианскую теологию, а ещё потому, что благодаря методам йоги индийцам известны лучшие, более совершенные, мудрые и глубокие способы поисков истины» (Гессе Г. Что значит для меня индийская и китайская духовность?: http://modernlib.ru/books/gesse_german/pisma_po_kругу_hudozhestvennaya_publicistika/read).

В своей автобиографической повести Г. Гессе называет себя теологом и мистиком. Однако эти самоопределения вписаны в иронический контекст. Вот этот контекст: «Жаль только, что в ту самую минуту, когда я входил в гостиницу, принялся накрапывать дождь.

– Вы привезли нам плохую погоду, – отвечая на моё приветствие, с улыбкой пожурив меня необычайно любезная фрейлейн в конторе.

– Да, – растерянно ответил я. Как же так? Неужели это в самом деле я, вопрошал я себя, вызвал этот дождь, сотворил его и привёз с собою в Баден? Что плоский здравый смысл отвергал такую возможность, не могло мне, теологу и мистика, служить оправданием. Ведь так же как судьба и характер лишь разные наименования одного понятия, так же как я в известном смысле сам избрал и сотворил своё имя и профессию, свой возраст, черты лица, свой ишиас и нико-

го, кроме себя, не вправе считать за них ответственным, так же, видимо, обстояло и с этим дождём. Я был готов взять его на себя» [Гессе, 1977, с. 126–127].

НАУКА

Г. Гессе был самоучкой. Своим обширным кругозором он был обязан книгам. Как и А. М. Горький, он был великим книгочеем. Но А. М. Горький был экстравертом, а Г. Гессе – интравертом. Больше всего немецкого писателя интересовал он сам. Вот почему его главным познавательным методом была интроспекция (самонаблюдение).

Курортная жизнь позволяла Г. Гессе предаваться самонаблюдению без особых угрызений совести о праздном времяпрепровождении. Недаром эпитафией к «Курортнику» он взял слова Ф. Ницше: «Праздность – мать всякой психологии».

В своих «Баденских заметках» (1948) автор «Курортника» вспоминал: «Побуждаемый то ли непривычным мне досугом курортной и гостиничной жизни, то ли новыми знакомствами и книгами, я обрёл в те летние дни, на полпути от Сиддхартхи к Степному волку, особое настроение самоуглубления и самоанализа, настроение созерцателя как по отношению к окружающему, так и по отношению к собственной своей персоне, радость от иронии и игры, радость наблюдать и анализировать сиюминутное, некое равновесие между вялым бездействием и напряженным трудом» [Гессе, 1991, с. 480].

Среди всех наук в лечебных условиях на первое место, естественно, выдвигается медицина. На первый визит к своему врачу Г. Гессе шёл с опаской. Он опасался встретить не настоящего врача, а равнодушного ремесленника. К настоящему врачу он предъявлял высокие требования.

«Сам не знаю толком почему, – читаем у Г. Гессе, – я жду от врача какого-то остатка того гуманизма, который предполагает знание латыни и греческого и известную философскую подготовку, гуманизма, увы, вовсе ненужного для большинства профессий и современной жизни. Вообще, от души радуясь всему

новому и революционному, я в данном случае весьма консервативен, я требую от представителей образованного круга известного идеализма, известной готовности понять человека и поспорить с ним, не считаясь с материальной выгодой, короче говоря, проявления гуманизма, хотя знаю, что гуманизма этого в действительности давно уже не существует и даже видимость его скоро встретишь разве что в кабинетах восковых фигур» [Гессе, 1977, с. 130].

Применительно к описываемой ситуации в этих словах идёт речь об антиномии *врач – его симулякр*. Г. Гессе был приятно удивлён, когда обнаружил, что его врач как будто претендует на высокое звание врача, а не его имитатора. Но полной ясности в решении этой антиномии у него не было. Опасение, что перед ним не настоящий врач, а лишь его подобие, ещё сохранялось.

Чтобы развеять свои сомнения насчёт врача, Г. Гессе забросил такой пробный камень: «Так же осторожно и так же словно бы между прочим я пояснил, что не верю в болезни и недомогания, вызываемые "также психикой", что в моей собственной биологии и мифологии "психическое" является не каким-то побочным фактором рядом с физическим, а первичной силой и что, следовательно, я считаю любое наше состояние, любое чувство радости и печали, равно как и любую болезнь, любой несчастный случай и смерть психогенными, порождёнными душой. Если у меня на пальцах вырастают подагрические шишки, то это моя душа, это высшее жизненное начало, "оно" во мне самовыражается в пластическом материале. Если душа болит, то она способна выражать это самыми различными способами, и что у одного принимает форму мочево́й кислоты, готовя разрушение его "я", то у другого оказывает подобную же услугу, выступая в обличье алкоголизма, а у третьего уплотняется в кусочек свинца, внезапно пробивающего ему черепную коробку» [Там же. С. 132].

Каково же было удивление Г. Гессе, когда он не услышал от своего собеседника того слова, которое в подобных случаях говорит большинство врачей! Это слово: «Фантазёрство». Антиномия *врач – его подобие* как будто разрешилась: врач! А что дальше?

Г. Гессе был носителем биполярного мышления. Временный синтезис (*врач*) в его сознании быстро исчез, а на его место всплыла новая антиномия: *неврастения – это болезнь / неврастения – это не болезнь*.

Своею главною болезнью Г. Гессе считал неврастению, а её никакими лекарствами, по его мнению, излечить невозможно, поскольку она – вовсе не болезнь, а особое состояние духа. Но и за этой антиномией потянулись целые вереницы новых антиномий – о духе и природе, о жизни и смерти и др. [Там же. С. 137–137]. Вот так устроено биполярное мышление: от одной антиномии – к другой.

Если в «Курортнике» Г. Гессе не выходит за пределы медицинской науки, то в «Игре в бисер» – своей главной книге, над которой он начал работать в конце 1930 г. и опубликовал в 1943, – он поёт дифирамбы интеграции всех научных дисциплин. В изображённой им Касталии – республике учёных – она призвана господствовать над их дифференциацией. Вот каким образом этого достигают жители этой утопической страны: «Каждому касталийскому учреждению и каждому касталийцу надо знать только две цели, два идеала: они должны достигать как можно большего совершенства в своей специальности и сохранять в своей специальности и в себе живость и гибкость постоянным сознанием связи этой специальности со всеми другими дисциплинами и тесной её дружбы со всеми... Если, может быть, физику, или музыковеду, или какому-нибудь другому учёному и полезна порой строгая и аскетическая сосредоточенность на своей специальности, если отказ от идеи универсальной образованности и способствует в какой-то момент наибольшему успеху в той или иной частной области, то, во всяком случае, мы, умельцы Игры, не вправе ни одобрять, ни допускать такой ограниченности и самоуспокоенности» [Гессе, 1991, с. 221–222].

ИСКУССТВО

Г. Гессе был разносторонним человеком. Он занимался виноградарством. Он много путешествовал. Он серьёзно изучал философию. Во время Первой мировой войны он занял активную антивоенную позицию, за что подвергся остракизму со стороны многих своих соплеменников. Он проделывал магические опыты. Он занимался живописью и т. д. Но на первом месте с юных лет у него была художественная литература. Даже в семинарии, обучение в которой резко оборвалось из-за его странного побега из неё, больше всего он занимался античной и отечественной литературой. Он восхищался Гомером и Овидием, И. Гёте и Ф. Шиллером и др.

Ему было 13 лет, когда он твёрдо решил стать поэтом. Но ему не хватало образования. Оставалось одно – самообразование. В «Кратком жизнеописании» читаем: «В пятнадцать лет, потерпев неудачу в школе, я принялся сознательно и энергично работать над самообразованием, и для меня было радостью и блаженством, что в доме моего отца обреталась огромная дедовская библиотека, целый зал, наполненный старыми книгами и содержащий, в частности, всю немецкую литературу и философию восемнадцатого столетия. Между шестнадцатым и двадцатым годами я не только исписал кучу бумаги своими первыми литературными опытами, но и прочёл за эти годы половину всей мировой литературы и занимался историей искусства, языками и философией с таким усердием, которого за глаза хватило бы для занятий по обычному школьному курсу» [Гессе, 1977, с. 30–31].

Первые литературные опыты Г. Гессе появились в конце уходящего XIX в. Со временем пришло признание. Особую известность ему принесли такие произведения, как «Кнульп» (1915), «Демиян» (1919), «Сиддхартха» (1922), «Курортник» (1925), «Паломничество в страну Востока» (1931) и «Игра в бисер» (1943). В 1946 г. он был награждён Нобелевской премией.

Г. Гессе по праву считают высокоинтеллектуальным писателем. В первую очередь это объясняется тем, что его произведения пронизывает поиск истины. «Какой смысл в писательстве, если за ним не стоит стремление к истине?», – задавал он риторический вопрос [Там же. С. 135]. У этого стремления была

мощная пружина – биполярный метод мышления. В поиске истины этот метод гнал его мысль от одной антиномии к другой. При этом Г. Гессе оставался гениальным художником. Истина и красота у него неразделимы.

Рассмотрим такой фрагмент из повести «Курортник»: «Занесённый ветром в окно увядший лист, маленький листик с дерева, чьё название не приходит мне на память, лежит на краю бассейна, я гляжу на него, читаю письма его ребер и жилок, вдыхаю тот особый запах тлена, перед которым мы все трепещем и без которого, однако, не существовало бы и красоты. Удивительно, как красота и смерть, радость и тлен необходимы друг другу и друг друга обуславливают! Явственно ощущаю я, словно нечто физическое, и вокруг себя, и в себе самом, границу между природой и духом. Как цветы преходящи и красивы, а золото неизменно и скучно, так и все движения природной жизни преходящи и прекрасны, тогда как неизменен и скучен дух. В этот миг я его отвергаю, рассматриваю дух отнюдь не как вечную жизнь, а как вечную смерть, как нечто косное, бесплодное, бесформенное, что может стать формой и жизнью, лишь отказавшись от бессмертия. Золото должно стать цветком, дух стать телом и душой, чтобы обрести жизнь. Нет, в эти минуты утренней разнеженности, между песочными часами и увядшим листом, я знать ничего не желаю о духе, хотя в другое время способен высоко его чтить, я хочу быть преходящим, хочу быть ребёнком, цветком» [Там же. С. 137].

Вот она – интеллектуальная проза. Миллионы людей даже не заметили бы увядшего листика на краю бассейна, в котором они купаются. А если бы и заметили, то ничего, кроме этого листика, не увидели бы. У Г. Гессе же этот листик вызвал столько биполярных ассоциаций, которые обычному человеку никогда бы и в голову не пришли. Вот такая цепочка потянулась у Г. Гессе, увидевшего увядший листик: *красота и смерть → радость и тлен → природа и дух → цветы и золото → форма и жизнь → тело и душа → жизнь и бессмертие.*

В этой цепочке писатель поёт дифирамбы красоте, радости, природе, цветам и жизни. Но отношение к красоте, вместе с тем, у Г. Гессе было противоречи-

вым, поскольку, с его точки зрения, её порождает не только жизнь, но и смерть. Человек, не обладающий биполярным образом мышления в такой обострённой форме, какая была свойственна Г. Гессе, может спросить: «А нельзя ли попроще?».

Что же, можно и попроще. Возьмём пример о еде, которой питаются больные на курорте в Бадене: «Простая, прямолинейная, юношески пуританская житейская мудрость должна бы, опираясь на ясные и простые данные химии и физиологии, настоятельно рекомендовать таким больным, наряду с тёплыми ваннами, прежде всего спартански простую пищу, без мяса, алкоголя и острых приправ, а возможно, даже строгую лечебную диету. Но так юно, так просто-душно и односторонне в Бадене не мыслят, и Баден уже сотни лет, не меньше чем своими водами, славится своей богатой и изысканной кухней; и в самом деле, мало ещё найдется в стране городов и гостиниц, где бы люди так вкусно и плотно питались, как больные обменом веществ в Бадене. Там поливают нежнейший окорок бургундским, а сочнеешие шницели – бордо, между супом и жарким грациозно выплывает голубая форель, а за обильными мясными блюдами следуют чудесные пирожные, пудинги и кремы» [Там же. С. 141]. Вот тут всё просто. Но и тут есть антиномия – между спартанской пищей и баденской.

В романе «Игра в бисер» мы обнаруживаем два истолкования термина *игра в бисер* – гносеологическое и культурологическое. Как то, так и другое никакого отношения к бисеру не имеют. Первое из них звучит из уст касталийского учителя музыки. Он говорит юному Кнехту: «Наше назначение (касталийцев. – В. Д.) – правильно понять противоположности, то есть сперва как противоположности, а потом как полюсы некоего единства. Так же обстоит дело и с игрой в бисер» [Гессе, 1991, с. 122]. Дальше он добавляет: «Художественные натуры влюблены в эту игру, потому что в ней можно фантазировать» [Там же].

Выходит, биполярный образ мышления – основа художественного метода. Недаром учитель музыки в этом же наставлении говорит Кнехту: «Ты знаешь, что не все согласны с Игрой. Говорят, что она просто заменитель искусств, а игроки – просто беллетристы» [Там же].

С культурологической точки зрения, игра в бисер – это синтез культурных ценностей. «Игра в бисер, – подтверждает касталийский летописец, – это, таким образом, игра со всем содержанием и всеми ценностями нашей культуры» [Там же. С. 80].

В термине *игра в бисер*, взятом в его культурологическом истолковании, спрятана антиномия: с одной стороны, за ним кроется очень плодотворная идея, восходящая к калокагатии Платона и Аристотеля, – о синтезе культурных ценностей, а с другой стороны, этот синтез – игра. Эта игра началась с синтеза музыки (искусства) и математики (науки), но со временем она объединила культуру в целом.

Казалось бы, мы должны отсюда сделать вывод о том, что в своей главной книге Г. Гессе достиг осуществления своих устремлений – преодолеть противоречие между тезисом и антитезисом и уловить их синтезис. Не стоит спешить с этим выводом: синтез культурных ценностей в этой книге мистифицируется. Её автор устами своего летописца изображает игру в бисер как тайну, доступную лишь редким счастливым, которые сумели овладеть «неким всемирным языком людей духа» [Там же. С. 98].

Всем остальным, включая читателей «Игры в бисер» и её автора, сама суть синтеза культурных ценностей остаётся недоступной для понимания. В «Игре в бисер», как и в «Курортнике», синтез, таким образом, остаётся неуловимым.

ПРАВСТВЕННОСТЬ

Базовая нравственная антиномия, в которой человеку приходится всю жизнь крутиться, как белка в колесе, – *добро* и *зло*. Чего в нас больше? Добра или зла?

Антиномию о добре и зле автор «Курортника» переводил по своему обыкновению в другую антиномию – о смерти и бессмертии. Решение этой антиномии он сначала проверял на себе: «Если б меня, курортника и писателя Гессе, спросили, согласен ли я, чтобы писателя Гессе не коснулись болезнь и смерть, и считаю ли я для него вечную жизнь желательным и необходимым благом, то

я, тщеславный, как все литераторы, возможно, сперва ответил бы на вопрос утвердительно» [Гессе, 1977, с. 143].

Как и полагается человеку с биполярным образом мышления, автор этих слов быстро перескакивает с *да* на *нет*. Высказать это *нет* ему помогает мысль не о себе, а о больных соседях: «Но стоит задать мне тот же вопрос о ком-либо другом, о курортнике Мюллере, ишиатике Легране, или голландце из 64-го номера, я, не раздумывая, решительно отвечу "нет". Нет, действительно, не нужно, чтобы мы, пожилые и не очень-то уже привлекательные люди, хоть и без подагры, жили бесконечно. Это было бы даже очень неприятно, было бы очень тоскливо, очень мерзко» [Там же].

Но дальше следует синтезис (*смерть*): «Нет, действительно, не нужно, чтобы мы, пожилые и не очень-то уже привлекательные люди, хоть и без подагры, жили бесконечно. Это было бы даже очень неприятно, было бы очень тоскливо, очень мерзко» [Там же].

Этот синтезис недолго задержался в голове его творца. Быстренько на его место он вернул тезис – *жизнь*: «Нет, мы охотно умрём (так ли уж охотно? – В. Д.), когда-нибудь потом. А сегодня мы предпочитаем после утомительных ванн и старательно убитого утра немножко порадоваться, обглодать куриное крылышко, просмаковать хорошую рыбку, выпить стакан доброго красного вина. Таковы уж мы, старые себялюбцы, – трусливы, мягкотелы, падки на вкусненькое. Такова наша психология» [Там же. С. 143–144].

Не стоит думать, что речь здесь идёт только о баденских больных. Речь здесь идёт в конечном счёте о всех обычных людях. При этом следует помнить, что перечень пороков у них намного длиннее, чем только что приведённый. В этот перечень надо добавить жадность, продажность, агрессивность, зависть, чревоугодие, сластолюбие и т. д., и т. д. Таков, как говорят в гайдаевской «Бриллиантовой руке», *облик морале* типичного человека. Проецируя этот облик на баденских больных, Г. Гессе его явно приукрасил. В какой-то мере он прав, поскольку люди, в той мере, в какой они люди, борются со своими поро-

ками. Это называется нравственной борьбой. В «Курортнике» Г. Гессе изобразил эту борьбу как безуспешную.

Своё моральное падение в Бадене Г. Гессе объяснял, с одной стороны, курортной атмосферой, которая его окружала, а с другой, обострением его болезни. По поводу курортной атмосферы у него читаем: «...морально опускаешься в этой ленивой и расслабляющей курортной атмосфере. Те немногие добрые спартанские привычки, которые я прививал себе на протяжении многих лет, дыхательные упражнения и гимнастика, умеренность в еде, пошли прахом, причём с прямого благословения врача; точно так же почти вовсе угасло мое первоначальное намерение наблюдать и работать» [Там же. С. 170].

О лени особый разговор: «Прежде всего мною овладела вялость, унылая лень, удерживающие меня от всего доброго и полезного, а именно от всякого, даже ничтожного, физического усилия» [Там же. С. 171].

Но на этом у Г. Гессе не заканчивается самобичевание. Он уличил себя не только в лени, но и в чревоугодии: «Однако мне не миновать ещё более постыдного признания. Что меня не тянет ни работать, ни думать, ни даже читать, что я духовно и физически утратил всякую бодрость и энергию – уже само по себе достаточно плохо, но есть нечто и похуже. Я начал входить во вкус именно самой что ни на есть поверхностной и оглупляющей, пустой и порочной стороны нашей праздной курортной жизни. За обедом, например, я съедаю все подаваемые нам деликатесы отнюдь уже не просто так, шутки ради, с ощущением внутреннего превосходства или по меньшей мере с иронией, как было поначалу, – нет, я ем, я жру, хотя давно забыл, что такое голод, расправляюсь со всем изысканным длиннейшим меню дважды в день с невоздержанной тупой прожорливостью скучающего человека, жирного, равнодушного буржуа, как правило, пью к ужину вино, а перед сном взял себе в привычку опоражничать бутылочку пива, от которого почти двадцать лет назад совершенно отказался. Вначале я принимал пиво в качестве снотворного, мне его рекомендовали, но вот уже много дней пью его чисто по привычке и невоздержанности. Просто диву даешься, до чего быстро усваивается все дурное и неразумное и до чего

легко превратиться в разленившегося пса и жирного борова – чревоугодника!» [Там же].

Разница между людьми, подобными Л. Н. Толстому или Г. Гессе, и подавляющим большинством обычных людей, состоит в том, что первые сознают свою порочность, страдают от неё и борются с нею, хотя и с переменным успехом, а другие её в себе сплошь и рядом даже не замечают или, по крайней мере, не придают ей большого значения.

Как, например, Г. Гессе боролся со своей ненавистью к соседу в гостинице – голландцу, который ему не давал ни отдыхать, ни работать своим бесконечным кашлем, харканием, громким хохотом и т. п. звуками? Ненависть, говорил Будда, уничтожается отсутствием ненависти. Вот и Г. Гессе заставил себя уничтожить свою ненависть к голландцу: «Через жалость и сострадание нашёл он путь к моему сердцу» [Там же. С. 166].

Избавление от страданий Г. Гессе видел в единстве человека со вселенной. Он писал: «Ведь самая глубокая моя вера, самое священное для меня убеждение заключается в единстве, в божественном единстве вселенной, все страдания, всё зло происходит лишь из-за того, что мы, каждый в отдельности, перестали воспринимать себя как неразрывные части целого, что наше "я" преувеличивает своё значение. Много в своей жизни я страдал, много сотворил дурного, много натерпелся по собственной вине тяжёлого и горького, но всегда и неизменно мне удавалось спастись, забыть своё "я" и поступиться им, почувствовать единство, признать иллюзией разлад между внутренним и внешним, между "я" и миром и с закрытыми глазами смиренно раствориться в единстве» [Там же. С. 162].

ПОЛИТИКА

До лета 1914 г. у Г. Гессе не было особых проблем с политикой. Но началась война. Начался великий разлад с окружающими людьми, принявшими и поддерживающими войну.

В «Кратком жизнеописании» читаем: «...я с самого начала горько страдал от войны и год за годом из последних сил защищался от несчастья, нагрянувшего, по видимости, извне, как гром с ясного неба, между тем как вокруг все на свете вели себя так, как если бы именно это несчастье наполняло их бодрым энтузиазмом. И когда я вдобавок читал газетные статьи поэтов, где говорилось о благах войны, и призывы профессоров, и все боевые стихотворения, рождённые в уютных кабинетах прославленных авторов, мне становилось ещё тошнее. В 1915 году у меня вырвалось однажды печатное признание в этих чувствах, а в придачу слово сожаления о том, что так называемые люди духа тоже не способны ни на что другое, кроме как на проповедь ненависти, распространение лжи, восхваление великой беды. Последствием этой жалобы, высказанной довольно робко, было то, что я был провозглашён в прессе моего отечества изменником и предателем – переживание, имевшее для меня новизну, ибо, несмотря на многочисленные столкновения с прессой, я дотоле ни разу не испытал, что же чувствует тот, кого оплёвывает сплоченное большинство» [Там же. С. 33].

А дальше ещё тошнее: «Старые друзья оповещали меня, что они вскормили у своего сердца змею и что сердце это впредь бьётся только для кайзера и для нашей державы, но не для такого выродка, как я. Ругательные письма от неизвестных лиц поступали во множестве, и книготорговцы ставили меня в известность, что автор, имеющий столь предосудительные взгляды, для них не существует» [Там же].

Г. Гессе пришлось бежать из своего отчества: «Когда война наконец-то окончилась и для меня, а именно – весной 1919-го, я уединился в отдалённом уголке Швейцарии, чтобы стать отшельником. Из-за того что я всю жизнь (как то было унаследовано мною от родителей и деда) много занимался индийской и китайской мудростью, причём и новые мои переживания были выражаемы отчасти также при посредстве восточного языка символов, меня часто именовали “буддистом”, над чем я мог только смеяться, ибо знал, что в глубине души я

дальше от этого исповедания, нежели от какого бы то ни было иного» [Там же. С. 37].

На курорте в Бадене Г. Гессе впервые оказался в 1923 г. Именно в этом году он получил швейцарское гражданство. Политические страсти улеглись. Вот почему политическая проблематика в «Курортнике» осталась во многом в стороне, однако отголоски будущего конфликта с буржуазией, который в «Степном волке» получит своё яркое выражение, в его автобиографической повести уже имеются. Отношение к буржуазии, у Г. Гессе было противоречивым: с одной стороны, он себя от неё отдалял, а с другой, сближал.

Конкретным воплощением буржуа в «Курортнике» стал голландец, поселившийся в соседнем номере гостиницы. К этому голландцу, как мы помним, Г. Гессе испытывал ненависть. В этой ненависти была и классовая подоплёка: «Голландец, мужчина с крепким здоровьем, преуспевающим видом, внушительной осанкой и тугим кошельком, для меня, аутсайдера, по самому типу своему враждебен» [Там же. С. 158].

Г. Гессе корил себя за то, что он подлаживался под буржуазное окружение: «Я сделал из своего ишиаса специальность, играл роль ишиатика, курортника, подлаживающегося под буржуазное окружение постояльца гостиницы, вместо того чтобы просто оставаться самим собой» [Там же. С. 193].

Однажды Г. Гессе испытал особенно сильный наплыв презрения к буржуазному окружению. Это произошло в столовой: «До чего же смехотворным, до чего же дурацким был этот исполненный бессмысленной торжественности спектакль, вся эта уйма пищи, фарфора и хрусталя, вина, хлеба, прислуги – и всё для горстки давно сытых курортников, чью скуку и хандру не могли исцелить ни еда, ни питье, ни вид плывущих в вышине облаков» [Там же. С. 185–186].

Но у Г. Гессе на все случаи есть его излюбленный метод – биполярный. С его помощью презрение к буржуазии он превратил в смех: «Но всё вместе, столовая и наш мир, курортники и человечество, показалось мне на какой-то миг отнюдь не ужасным и трагическим, а всего лишь невероятно смешным. Доста-

точно лишь засмеяться – и чары рассеются, вся хитрая механика рассыплется, и бог, и птицы, и облака поплывут сквозь скучный наш зал, а мы из угрюмых постояльцев за курортным столом, обратимся в весёлых постояльцев господина за красочным столом вселенной» [Там же. С. 186].

В результате пришёл хоть и кратковременный, но радостный синтезис: «Как хорошо жить! Прошло и забыто напавшее на меня в столовой безумное желание смеяться, в глазах у меня стояли слезы» [Там же. С. 193].

Если в «Курортнике» Г. Гессе останавливается на примирительном отношении к буржуазии, то в «Игре в бисер» руками касталийцев он, как и Томас Мор в Утопии, уничтожает её почву – частную собственность.

ЯЗЫК

Язык – средство общения, но у общения есть и его противоположность – разобщение или непонимание. Антиномию понимания и непонимания Г. Гессе затронул в связи с его беседой с врачом.

Понимание между людьми Г. Гессе воспринимал как подарок судьбы. Что же ему мешает? Неспособность принять точку зрения своего собеседника.

У Г. Гессе читаем: «Среди образованных и умных людей сплошь и рядом случается, что каждый воспринимает склад ума и язык, догматику и верования другого как чисто субъективные, как всего лишь приближение, всего лишь ускользающую параболу. Но чтобы каждый признал то же самое и в себе самом и к себе самому приложил, и каждый как за собой, так и за противником оставил право на только ему присущие, собственные, душевный склад, образ мышления и язык и что, стало быть, двое людей, обмениваясь мыслями, постоянно отдавали бы себе отчет в ненадежности своего оружия, многозначности всех слов, недостижимости действительно точного выражения, а потому и необходимости всячески идти другому навстречу, обоюдной доброй воли и интеллектуального рыцарства такие прекрасные, казалось бы, само собой разумеющиеся между двумя мыслящими существами отношения практически встречаются до

того редко, что мы от души рады всякому, даже отдалённому их подобию, всякому, пусть частичному, их осуществлению. Но тут, с этим специалистом по болезням обмена веществ, во мне блеснула какая-то надежда на возможность такого понимания и общения» [Там же. С. 131].

В «Игре в бисер» Г. Гессе развеивает надежду на взаимопонимание между интеллектуалами и обывателями в XX веке. Устами будущего касталийского летописца он охарактеризовывает этот век в истории человечества как эпоху фельетона, отличительной чертой которой стала девальвация слова. «Люди слушали, – читаем у Г. Гессе, – доклады о писателях, чьих произведений они никогда не читали и не собирались читать, смотрели картинки, попутно показывающие с помощью проекционного фонаря, и так же, как при чтении газетного фельетона, пробирались через море отдельных сведений, лишённых смысла в своей отрывочности и разрозненности. Короче говоря, уже приближалась ужасная девальвация слова» [Гессе, 1991, с. 85–86]. Люди нашего поколения постигли эту девальвацию сполна.

Биполярный (антиномийный, двухполюсный, двухголосный) образ мышления, как я стремился показать в этой статье, выполняет в лучшей автобиографической повести Германа Гессе текстообразующую функцию. Однако и сам по себе он был для автора «Курортника» предметом углублённых гносеологических размышлений. С него он его начал, им его и закончил. Но если в его начале автор дважды лишь бегло упоминает о биполярном образе мышления, то последние его страницы посвящены уже его развёрнутому образному описанию. Вот один из фрагментов этого описания: «Будь я музыкантом, я без труда мог бы написать двухголосную мелодию, мелодию, состоящую из двух линий, из двух тональностей и нотных рядов, которые бы друг другу соответствовали, друг друга дополняли, друг с другом боролись, друг друга обуславливали, во всяком случае, в каждый миг, в каждой точке ряда находились бы в теснейшем и живейшем взаимодействии и взаимосвязи. И всякий умеющий читать ноты

мог бы прочесть мою двойную мелодию, всегда бы видел и слышал к каждому тону его противотон, брата, врага, антипода» [Гессе, 1977, с. 201].

Дальше автор «Курортника» жалуется на недостижимость двухголосного образа мышления: «Так вот, то же самое, эту двухголосность и вечно движущуюся антитезу, эту двойную линию я и стремлюсь выразить в своем материале – с помощью слов, бьюсь над этим, и всё напрасно. Я пытаюсь снова и снова, и если что заставляет меня работать увлечённо и меня подталкивает, так это единственно упорное стремление достичь невозможного, ожесточенная борьба ради недостижимого» [Там же].

К чему же стремился автор этих слов? «Я хотел бы найти выражение для двуединства, хотел бы написать главы и периоды, где постоянно ощущалась бы мелодия и контрмелодия, где многообразию постоянно сопутствовало бы единство, шутке – серьёзность. Потому что единственно в том и состоит для меня жизнь, в таком раскачивании между двумя полюсами, в непрерывном движении туда и сюда между двумя основами мироздания. Постоянно хотел бы я с восхищением указывать на благословенную многокрасочность мира и столь же постоянно напоминать, что в основе этой многокрасочности лежит единство; постоянно хотел бы раскрывать, что прекрасное и уродливое, свет и мрак, грех и святость всегда лишь на мгновение предстают как противоположности, что они непрерывно переходят друг в друга» [Там же. С. 201–202].

Г. Гессе сетовал на неуловимость синтезиса («единства»), вбирающего в себя тезис и антитезис. Но он не сдавался. Об этом свидетельствует последний абзац его «Курортника»: «Вот стоящая передо мной дилемма и задача. Можно много говорить об этом, а вот разрешить нельзя. Пригнуть оба полюса жизни друг к другу, записать на бумаге двухголосность мелодии жизни мне никогда не удастся. И всё-таки я буду следовать смутному велению изнутри и снова и снова отваживаться на такие попытки. Это и есть та пружина, что движет мои часы» [Там же. С. 203].

Биполярный образ мышления продолжал господствовать над сознанием Г. Гессе и после «Курортника» (1925). В «Степном волке» (1927) он приобрёл по-

истине трагический накал в образе Гарри Галлера, раздираемого противоречием между человеком и волком. В «Трактате о Степном волке» читаем: «Хотя наш Степной волк чувствовал себя то волком, то человеком, как все, в ком смешаны два начала, особенность его заключалась в том, что, когда он был волком, человек в нём всегда занимал выжидательную позицию наблюдателя и судьи, – а во времена, когда он был человеком, точно так же поступал волк. Например, если Гарри, поскольку он был человеком, осеняла прекрасная мысль, если он испытывал тонкие, благородные чувства или совершал так называемое доброе дело, то волк в нём сразу же скалил зубы, смеялся и с кровавой издевкой показывал ему, до чего смешон, до чего не к лицу весь этот благородный спектакль степному зверю, волку, который ведь отлично знает, что ему по душе, а именно – рыскать в одиночестве по степям, иногда лакать кровь или гнаться за волчицей, – и любой человеческий поступок, увиденный глазами волка, делался тогда ужасно смешным и нелепым, глупым и суетным. Но в точности то же самое случалось и тогда, когда Гарри чувствовал себя волком и вёл себя как волк, когда он показывал другим зубы, когда испытывал ненависть и смертельную неприязнь ко всем людям, к их лживым манерам, к их испорченным нравам. Тогда в нём настораживался человек, и человек следил за волком, называл его животным и зверем, и омрачал, и отравлял ему всякую радость от его простой, здоровой и дикой волчьей повадки» [Там же. С. 243–244].

Душа главного героя «Игры в бисер» (1943) – Иозефа Кнехта – разрывается противоречием не между животным началом в ней и человеческим, а между созерцательно-пассивным и созидательно-активным. Первое из них господствует в Касталии – ордене, жители которого ведут аскетический образ жизни и, отказавшись от какого-либо участия в практическом преобразовании жизни, видят высший смысл своего существования в постижении абстрактных духовно-культурных ценностей – веры, истины, красоты и т. п. Ближе всех к ним приближаются, по их мнению, те люди, которые достигают наибольших успехов в игре в бисер. Эта игра – таинственный синтез всех культурных ценностей.

Кнехт становится виртуозом игры в бисер. Но это его не удовлетворяет. Он решает идти к людям, живущим за пределами Касталии, чтобы приобщить их к «духовному космосу» (там же) касталийского ордена. Вот почему он его покидает. Это тот синтез, которого искал его создатель – Герман Гессе. Но и этот синтез оказался мимолётным, поскольку жизнь Иозефа Кнехта резко обрывается: он гибнет в ледяной воде.

Синтез между тезисом (*созерцанием*) и антитезисом (*действием*) в конечном счёте не состоялся и в «Игре в бисер». Как не состоялся он в «Степном волке» и «Курортнике». Таков итог биполярного образа мышления, ярким носителем которого был их автор. Сам он выразил его сущность лучше всего в «Игре в бисер»: «Синтез и гармонизация противоположных голосов не доводились в обычной, классической манере до конца, нет, эта гармонизация претерпевала целый ряд преломлений, она каждый раз, словно устав и отчаявшись, останавливалась перед разрешением и замирала в сомнении и вопросе» [Гессе, 1991, с. 165].

Библиографический список

1. Гессе Г. Избранное [Текст] / Г. Гессе. – М.: Художественная литература, 1977. 413 с.
2. Гессе Г. Избранное. Сборник [Текст] / Г. Гессе. – М.: Радуга, 1991. 539 с.
3. Достоевский Ф. М. Повести. Рассказы [Текст] / Ф. М. Достоевский. – М.: Правда, 1985. 336 с.
4. Целлер Б. Герман Гессе сам свидетельствующий о себе и о своей жизни [Текст] / Б. Целлер. – Екатеринбург: Урал LTD, 1998. 312 с.

Reference

1. Hesse G. (1977). *Favourites* [Text] / G. Hesse. – M. Imaginative literature, 1977. 413 p. (In Russian).
2. Hesse G. (1991). *Favourites. Collection* [Text] / G. Hesse. – M.: Raduga, 1991. 539 p. (In Russian).
3. Dostoyevsky F. M. (1985). *Novels. Stories* [Text] / F. M. Dostoyevsky. – M.: Pravda, 1985. 336 p. (In Russian).

4. *Tseller B. (1998). Hermann Hesse confirming himself and his life [Text] / B. Tseller. – Yekaterinburg: Urals LTD, 1998. 312 p. (In Russian).*